

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИЗУЧЕНИЯ ЭЛЛИНИЗМА В РОССИИ

Русская наука обратила внимание на историю эпохи эллинизма значительно раньше, чем это обыкновенно считают. Еще в середине XVIII в. наблюдался вполне определенный интерес наших филологов-классиков к этому периоду. Они дали первоклассные для своего времени переводы греческих и латинских историков, в особенности тех, которые писали об Александре Македонском и о событиях, последовавших после его смерти. Традиционное почтение к античным авторам и описательный характер исторических сочинений того времени

предопределили характер работ. Русские ученые XVIII в. предпочитали не комментировать сведения древних авторов, а предлагали читателям хорошие переводы оригиналов. Чем рассказывать по Помпею Трогу, не лучше ли предложить читателю хороший перевод самого Помпея Трога. Это казалось тем более целесообразным, что в XVIII в. античность исследовали преимущественно филологи-классики, переходя к изучению истории от работы над языком и литературой древних греков и римлян.

Одно из первых мест среди подобных работ занимает перевод Квинта Курция Руфа, выполненный знаменитым русским этнографом и географом, а также филологом-классиком, профессором Петербургской Академии наук С. П. Крашенинниковым. Как его великий современник М. В. Ломоносов, так и С. П. Крашенинников происходил из народных «низов»; он был сыном рядового солдата. Перевод был издан Академией наук в Петербурге в 1751 г. с подробными историческими, географическими и критическими примечаниями и историческими картами под названием «Квинта Курция история об Александре Великом, царе македонском». Он выдержал шесть изданий. Последнее вышло в 1813 г. Надо отметить, что перевод, сделанный Крашенинниковым, был не первым переводом Курция Руфа на русский язык; существовал более ранний перевод, изданный в Москве. Но он был неточен и засорен иностранными словами, «без нужды употребляемыми», как с возмущением отмечает в предисловии к своему переводу Крашенинников.

Весьма показательно, что, кроме обычного интереса к Александру Македонскому и его завоеваниям, внимание наших филологов-классиков XVIII в. привлекает и эпоха эллинизма вообще. В 1768 г., профессор Академии наук Никита Попов опубликовал перевод Юстина под названием: «Юстин — древней универсальной истории Трога Помпея сократитель». Издание это снабжено довольно значительным научным аппаратом; здесь имеется алфавитный указатель географических имен и исторические карты.

Большое значение имел в свое время также перевод Диодора, исполненный Иваном Алексеевым и изданный в 1774-1775 гг. Академией наук в шести томах, под названием: «Диодора Сицилийского историческая библиотека». Перевод снабжен предисловиями к каждому тому и подробным аннотированным алфавитным «указателем лиц и вещей отменных». В предисловии к III тому дается краткий обзор библиотек древнего мира и в том числе Александрийской, Пергамской и других.

Интерес к эллинизму не ослабел и в начале XIX в. В 1818—1819 гг. вышел новый перевод Квинта Курция Руфа, сделанный инженер-капитаном А. Мартосом. Переводчик предпослал ко 2-й части своего труда эпиграф: «Тактика и дипломатика ничто без светильника истории — Слова Суворова на Альпах». В 1824 г. был вновь переведен С. Борзцовским Юстин под заглавием: «Всесбщая история, извлеченная из бытосписаний Трога Помпея». В 1837 г. был издан в Петербурге перевод Арриана «Походы Александра».

Параллельно с переводами и комментариями к сочинениям античных авторов, в наших университетах велась обработка и построение курсов истории древнего мира, в том числе истории Александра и «греко-македонского периода», как тогда обозначали эпоху эллинизма. Эта работа велась на кафедрах всеобщей истории. Притом по установившейся традиции, в то время не было в университетах специальных кафедр истории древнего мира; следовательно, чтобы установить полностью достижения русской исторической науки в области древней истории и эллинизма, в частности, надо было бы учесть библиографию всех работ специалистов по всеобщей истории. Мы не ставим себе такой задачи в настоящем кратком обзоре и поэтому остановимся только на одном из представителей исторической науки первой половины XIX в. — на профессоре Киевского университета Цыхе. Он читал курс истории древней Греции и начального периода эллинизма в 30-х гг. XIX в. Его обобщающая работа «Взгляд на историческую жизнь народа эллино-македонского»¹ знакомит нас с приемами исследования и методами построения курса древней истории на базе предшествую-

¹ ЖМНП, 1835, май, стр. 145 слл.

пей практики филологов-классиков. Вот что пишет о своем методе сам Цых: «Я думаю, что в таком только случае можно верно изобразить характер исторического лица, каково-нибудь отдельного происхождения или целого ряда их, если он представлен будет... не в общих чертах, но... с подробностями;... нужные для сего материалы будут почерпнуты из самих источников и переданы сколько возможно вернее, ближе к подлиннику... Для всякой части... подбирал я главных писателей, следовал совершенно за ходом их повествования, выбирая из него то, что составляло главную нить рассказа, что относилось к предмету моих лекций; старался не упустить ни одной характеристической черты, подробности, и — что столько же важно — представлять все передаваемое вам сколько можно ближе к подлиннику, и сохраняя, сколько умел, краски классического изложения историков древности. Вообще о пройденных мною таким образом статьях сообщил я вам почти столько, сколько можно знать о них достоверного, и столь верно, сколько позволяло мне мое умение. Не позволяю себе судить, хорош ли сей способ преподавания, или нет; но смело могу сказать, что он принадлежит, относительно древней истории, самому мне, — по крайней мере я ни у кого не заимствовал его» (стр. 148). Свой метод Цых назвал «способом фактического преподавания древней истории» (стр. 147 сл.), так как одни только факты, «одна вещественность дает жизнь описанию» (стр. 149).

Александра Македонского Цых считает гением, который наложил свою печать на всю эпоху. Наряду с явным преувеличением роли личности в истории, автор придает большое значение этническому и географическому факторам. Его интересуют не только «великие характеры лиц», но и «черты возвышенной нравственности целых народов» (стр. 158) и территория, на которой они проживают. Идеализируя Александра, Цых считает безнравственным македонский период. Причиной этого лежала, по его мнению, в характере македонян, а также в «духе времени», под которым он понимает всю специфическую совокупность явлений эпохи эллинизма. Ранняя смерть Александра помешала ему провести в жизнь слияние Востока с Западом. Вместо большой державы Александра налицо оказались слабые государства, опиравшиеся на наемные войска и беспрерывно враждовавшие друг с другом, в результате чего огромные территории опустошались. Цели Александра были забыты. Среди всеобщего разорения «... только Египет благодаря мудрой умеренности и миролюбию великого Птолемея Сотера спасся от сих бедствий... Вновь проложенные торговые пути открыли египтянам новые источники богатства» (стр. 171). Цых отмечает положительное значение постройки Александрии, как торгового центра. Он собирался заняться специально изучением «исторической жизни царства Египетского» (в эллинистическую эпоху.— Н. П.) (стр. 172), но смерть не позволила ему выполнить это намерение.

Сравнивая работы Цыха с трудами его младшего современника Т. Н. Грановского, мы особенно ярко представляем себе поразительно быстрое совершенствование историографии античности в России в первой половине и в середине XIX в. Разносторонний культурный деятель, просветитель, друг Герцена и других передовых людей того времени, Грановский, однако, всегда оставался идеалистом и буржуазным либералом. Все же это не помешало ему сыграть выдающуюся роль в истории русской культуры.

Властный специалист по всеобщей истории, Грановский интересовался главным образом древней и средневековой историей. Прекрасно осведомленный о состоянии отечественной и зарубежной историографии, он самостоятельно и критически относился к трудам величайших авторитетов своего времени. Грановский резко критикует повествовательную школу историков, ограничивающихся пересказом источников. С недоверием относился он и к гегелевскому делению всеобщей истории, называя его «произвольным построением»¹. Высоко расценивая метод критики источников, предложенный Нибуром, Грановский заметил (т. I, стр. 22), что он «отнюдь не удовлетворяет потребности в приложенном к полному составу науки методе». Стремление к всестороннему изучению исторических явлений, выяснение общих законов развития — все это является положительным вкладом Грановского в русскую историографию.

¹ Т. Н. Грановский, Соч., т. I, М., 1892, стр. 20.

Будучи идеалистом, Грановский формулировал свои мысли о методе и задаче исторического исследования таким образом: «Новый метод должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии. Только таким образом можно достигнуть до прочных основных начал, т. е. до ясного знания законов, определяющих движение исторических событий» (т. I, стр. 22 сл.) Далее он предлагает изучать историю как естественный процесс и уделяет большое внимание географии, этнографии и антропологии, как важным определяющим факторам истории. Стремясь к точности, он уверен в большой роли, которую должна будет сыграть в исторической науке статистика.

Ошибки исторической концепции Грановского связаны с общим недостаточным уровнем развития исторической науки в его время и ограниченностью его мировоззрения как буржуазного либерала. Обращаясь к любимой им древней истории, Грановский в обычной для него образной манере высказывает мысль о задачах исследователей. «Сорок веков смотрят на вас с вершины пирамид, — сказал в Египте Наполеон своим солдатам. Мы также юные ратники на ветхой почве истории, с вершины прошедшего на нас также смотрят столетия, но смеем думать, что мы прочтем в их очах не то, что прочли в них воины Французской республики» (т. I, стр. 27).

Среди трудов Грановского широкую известность получила изданная в 1851 г. «Историческая характеристика Александра Великого» (т. I, стр. 351 слл.). Это была выдающаяся работа для своего времени; она объясняла причины возникновения эллинизма, разносторонне характеризовала деятельность Александра. Грановский указывает на разложение «греческой городской жизни» (т. I, стр. 351) в IV в. до н. э. и отмечает переход от республиканских форм управления к монархическим. «Личные цели отдельных граждан превосходили объемом сил и средства ослабевших республик. Следствием этого хода вещей был совершенный упадок местного патриотизма и стремление открыть вне пределов родины поприще, достойное накопившихся и праздных сил. Таким поприщем мог служить только Восток, именно Персия, в которой с конца V столетия постоянно играют важную роль греческие наемники» (т. I, стр. 353). По сути дела пылкий взор Грановского подметил некоторые внешние проявления кризиса рабовладельческого общества в Греции, перерастание ее экономики за рамки города-государства.

По установившейся традиции Грановский идеализирует личность и деятельность Александра, «на которого природа и судьба расточали дары свои» (т. I, стр. 355). Характеризуя державу Ахеменидов, Грановский указывает, что она, несмотря на свои размеры и огромные материальные средства, разлагалась на составные части. Патриотизм ученого выразился в отрицательной характеристике Мемнона, которого Грановский считает человеком с гениальными способностями, но внутренне испорченным, отрекшимся от своей родины. Грановский отмечает искусную дипломатию и стратегию Александра в его отношениях к малоазийским греческим городам и в блестяще проведенной им кампании по изолированию Персии от Средиземного моря путем занятия Финикии и Египта. Он подчеркивает также уважение Александра к местным обычаям в завоеванных странах. Перечислив попытки Александра связать воедино свою огромную державу — «слить Восток и Запад» и препятствия, которые ему встретились на этом пути, особенно в виде оппозиции в греко-македонской армии, рассматривавшей все завоеванное как добычу, Грановский в другой работе¹ с возмущением отмечает реакционную позицию, занятую по этому поводу Нибуром. «Замечательно, что при оценке великой попытки Александра слить в одну семью все народы своего огромного царства, попытки, результатом которой была гелленизация Востока, Нибур становится на расстоянии 22 веков горячим защитником идей или, лучше сказать, предрассудков, с которыми должен был бороться македонский завоеватель». Рассуждая о «высоких» побуждениях Александра, стремившегося «уделить своим новым подданным часть тех духовных благ, которые до него были исключительно достоянием

¹ Т. Н. Грановский, Соч., т. II. «Чтения Нибура о древней истории», стр. 195.

одного народа» (т. I, стр. 362), Грановский тем не менее острым взором историка констатирует, что опоры в завоеванных странах Александр искал только среди местной аристократии и жречества. Александр, кроме того, «связал их (покоренные страны.— *Н. П.*) с ним цепью названных большею частью по его имени колоний» (т. I, стр. 363). Правда, эту материальную основу власти Александра Грановский недооценивает, обращая основное внимание на взаимодействие идей. Наконец, Грановский сознается в своем «пристрастии» к Александру, объясняя это тем, «что историку, внимательно изучающему памятники, которые содержат в себе подробности о жизни и делах македонского завоевателя, трудно устоять против собственного увлечения» (т. I, стр. 371). Эти строки, кстати, полностью опровергают взгляд, высказанный в русской буржуазной историографической литературе о том, что в данном случае Грановский якобы находился под влиянием работы немецкого историка Дройзена об Александре Македонском.

Мы рассмотрели некоторые веки начального периода изучения в России эпохи эллинизма. Но и этот краткий обзор свидетельствует о большой работе, проделанной русскими учеными в XVIII и первой половине XIX в. даже и такой специальной области истории древнего мира, как эпоха эллинизма, области, подробная разработка которой оказалась возможной только в XX в. Первоначально описательный характер этих трудов был блестяще преодолен в работе Грановского об Александре Македонском. На основании изученных материалов Грановский дал ряд ценных обобщений о начальном периоде эллинизма, подобно тому как он это сделал и в других разделах истории древнего мира и средних веков. Учитывая значение деятельности Грановского в качестве историка древнего мира, мы позволили себе, характеризуя его как ученого, несколько выйти за пределы специальной темы настоящего краткого обзора

Н. Н. Пикус